

Биробиджан

Скоро будет неделя, как я нахожусь в Биробиджане. За это время я исходил его вдоль и поперек, наверное, раз пять и теперь знаю его улицы и переулки, пожалуй, ничуть не хуже здешних старожилов, хотя иногда мне начинает казаться, что я и до сего дня вижу сквер, улицы, переулки и каменные дома в центре города впервые – как тогда, когда я несколько дней назад сошел здесь с поезда. Да, вот уже почти неделя, как я в Биробиджане, а как-то все не могу перестать дивиться на его строения, зелень улиц-аллей, вывески на зданиях, испытывая при этом несколько необычное ощущение: этот город просто не может оставить вас равнодушным, не может не понравиться вам едва ли не с первого взгляда. Он буквально чарует вас каким-то особенным уютом, по-домашнему теплой атмосферой общения здешних жителей и даже скромной величиной самого города, что тоже придает ему неповторимый – я бы сказал, чисто биробиджанский – колорит.

Я не перестаю любоваться светлыми стенами его новых домов, осеняемых зеленым кружевом кленов и тополей, залитыми щедрым солнцем сопками на горизонте, Бирой, широкой лентой уложенной вдоль города, и с наслаждением вдыхаю напоенный речной свежестью воздух, колеблемый легким ветерком.

Правду сказать, у меня было совсем иное представление о Биробиджане до того момента, когда я, уже сойдя с поезда, не познакомился на вокзале с Рахмиэлем Гуральником, взявшимся среди ночи проводить меня до гостиницы. Заметив тогда, с какой осторожностью я ступаю по земле, мой провожатый, оглянувшись, подбодрил меня:

– Смелее, товарищ! Мы ж с вами уже не в Тихонькой, а в Биробиджане.

– Знаю, что не в Тихонькой, – отозвался я в ответ.

– Ну раз знаете, то, как у нас в армии говорят, тверже ногу, шире шаг!

«Шире шаг...» Только ведь по нынешним биробиджанским улицам мне и днем шагать не случалось, а тут ночь темная. Да и вообще... Сидя еще в вагоне, я, например, был уверен, что, прибыв на место, мы увидим слева от железнодорожных путей тот деревянный вокзальчик с двумя фонарями у входа – вокзальчик, каким я его и помнил всегда эти годы. А что оказалось на самом деле? И вот сейчас, покинув новый вокзал, я думал, что нам придется в густых сумерках отыскивать под ногами шаткие доски узкого настила, именуемого здесь тротуаром, – так и только так в почти сплошь заболоченной Тихонькой оно и было, – но и здесь все опять вышло иначе: неподалеку от вокзала – пусть и в темноте – лежал асфальт «взаправдашнего» тротуара. Слева от нас высились двух- и трехэтажные дома, а справа тянулась сплошная стена выстроившихся в ряд деревьев, наполняющих ночной воздух ароматом молодой листвы.

– Ну что? Теперь-то вы видите, что это таки не Тихонькая, а Биробиджан? – слышу впереди, в десятке шагов от себя голос Гуральника.

Признаться, я не очень хорошо знал историю Биробиджана, хотя все же ни-сколько не сомневался в том, что на месте памятной мне станции Тихонькой, в свое время неожиданно ставшей чуть ли не всемирно известной и, конечно же, достаточно знакомой своим названием в украинских и белорусских местечках, появится город-новостройка. И уж тем более я не мог иметь даже отдаленного представления о переменах на центральных улицах Биробиджана. Да что говорить об этом, если я и теперь не сразу узнаю места, где побывал тогда, когда город этот таковым еще не стал? Так что теперь мне здесь было чему удивляться.

– Это еще ничего, – как бы в ответ моим мыслям прозвучал голос Рахмиэля. – А вот если вы пройдете по главной нашей улице – по улице Ленина, вы уже таки настоящий город Биробиджан увидите.

По тону, с которым это было сказано, невозможно было не почувствовать, с какой любовью человек относится к своему городу. Наверное, вот так же садовник любит какое-нибудь слабенькое деревце, которое он посадил, выходил и вырастил сам. Впрочем, Гуральника нетрудно понять: сколько кирпичей, мешков цемента, бревен и железных балок перенес он на собственных плечах, чтобы сделать Тихонькую Биробиджаном! И ему, в недавнем прошлом рабочему-строителю, доставляет немалое удовольствие наблюдать, как я реагирую на увиденное в его городе.

На перекрестке улицы Октябрьской и соседнего переулка в ночном сумраке нашим глазам предстает здание с широкими дверями и окнами. В слабом свете луны, на какие-то секунды вынырнувшей из-за темного облака, успеваю рассмотреть ряд крупных еврейских букв вдоль стены, сложившихся в слова «Биробиджанский кинотеатр». Сразу за кинотеатром можно различить хорошо накатанное шоссе – дорогу, ведущую к окраинам города и дальше – в села области – Ленинское, Венцелево, Амурзет. Отсюда же, из городского центра, уходит вымощенная здесь булыжником улица Валдгеймская длиной никак не меньше километра. По одну сторону мостовой – заросший высокой травой пустырь, по другую – двух- и трехэтажные каменные дома, дальше – ряд низких бревенчатых домиков. На улице Валдгеймской располагаются музыкальная школа, радиостудия, медицинское и педагогическое училища, железнодорожный техникум, несколько областных и районных учреждений. Неподалеку отсюда – мостик, переброшенный на остров – месторасположение великолепного городского парка. Все это я увидел и узнал позднее, уже при свете дня, а пока что я и мой провожатый находимся у кинотеатра на той самой Октябрьской, по другую сторону которой лежит темный массив городского сквера, разделяющего начала двух главных улиц Биробиджана – Ленина и Шолом-Алейхема. Сквер этот, пожалуй, не представляет собой ничего особенного: деревья, кусты, между ними – посыпанные песком узкие дорожки, садовые скамьи... Но все это, как сообщил мне Гуральник, появилось (и, конечно же, никак не само собой!) на месте «болотины», из которой застрявшую в липкой грязи пустую телегу четверка лошадей вытянуть не могла.

– И вот что сделали с того болота наши биробиджанские евреи в свободное от работы время! – с гордостью заключил Гуральник, когда мы, миновав сквер, вышли к гостинице.

Гостиница – двухэтажное каменное здание с большим балконом, опирающимся на две четырехгранные колонны. По соседству с гостиницей – еще несколько двухэтажных домов...

– Может, пройдем с вами немножечко дальше? – слышу вопрос Рахмиэля. – Здесь таки вам тоже будет на что посмотреть.

И вот мы уже в самом центре города – на улице Ленина. Я потом не раз ходил по этой ровной широкой улице, похожей на аллею, по бокам которой выстроились светлые дома. Здесь тоже заасфальтированные тротуары, а по ночам зажигаются на столбах электрические лампы. Несомненным украшением улицы Ленина служит здание библиотеки с четырехгранными колоннами по бокам парадного входа. Произведут на вас впечатление трехэтажное здание с расположенными в нем типографией и редакцией газеты «Биробиджанер штерн», оригинальной архитектуры дом с широкими окнами (это облисполком) и поднявшаяся над просторным двором четырьмя этажами школа-десятилетка. Даже скромные деревянные двухэтажные дома, красиво отделанные светлыми тесовыми дощечками, создают на этой улице какой-то особый уют. И, помню,

чем дальше я ходил здесь, тем больше мне казалось, что нахожусь я вовсе даже не на Дальнем Востоке, а где-нибудь в Евпатории, Феодосии или Джанкое, и быть почти уверенным, что вот эта самая улица ведет от центра города не иначе как к берегу моря.

Получив от меня заверение в том, что завтра-послезавтра я вместе с ним пойду знакомиться с местным стадионом и парком, Рахмиэль Гуральник снова отправился на вокзал, а я, шагнув на широкое крыльцо гостиницы, постучался в ее застекленную дверь.

Дежурная, стройная смуглая девушка с ярко-красным бантом в пышной прическе, проводила меня на второй этаж и открыла дверь свободного номера – обычной гостиничной комнаты с окрашенными в светло-голубое стенами и потолком. Завешенное длинной цветастой гардиной окно, крашенный пол, застеленный большим ковром, на столе – лампа под матерчатым абажуром и телефонный аппарат. В одном углу комнаты – вместительный платяной шкаф-гардероб, в другом – большое зеркало. Вдоль одной из стен – мягкий диван. Полное впечатление, что вы находитесь в номере какого-нибудь столичного отеля... Между тем наступает рассвет, и слышно, как в соседствующих с гостиницей дворах громко, наперебой распевают петухи.

Широко распахнув окно, долго люблюсь хорошо видимым отсюда голубым зеркалом Биры, оживающей улицей Шолом-Алейхема, чуть притуманенным конусом знаменитой биробиджанской сопки Тихонькой. Она в точности такая же, как и десяток лет назад – дымчато-зеленая у самого подножия, с вершиной, словно выгоревшей от солнечных лучей, которые первыми обливают ее своим светом по утрам и последними – на закате. Биробиджанская сопка выделяется на фоне окружающей равнины не только своими высотой, массивностью и своеобразной красотой, но своей «одинокостью» и видимой отъединенностью от города. Впрочем, этот последний из названных ее признаков теперь уже в прошлом: на правом берегу Биры, вблизи сопки Тихонькой, тоже построены и строятся дома. Так что теперь и там город Биробиджан...

Да, уже почти неделя минула с той моей бессонной ночи, но я так и не привык к совершенно новому для меня облику Биробиджана, и с каждым днем он становится в моем представлении красивее, больше и уютнее. Особенно в погожие и такие долгие в это время года дни. Какое голубое небо над городом, и как ярко горит над ним июньское солнце!

Биробиджан просыпается с первыми петухами. Ведь до ухода на работу людям надо принести воды из колодца, подоить коров и коз, а потом отправить их в стадо на пастбище, полить грядки в огородах подле домов, а уже потом отправляться на работу. По времени на часах и по скорости ходьбы идущих по улицам можно с весомой долей вероятности определить, кто из них где трудится. Те, кто занят на обозном заводе, на фанерной фабрике, на ремонтно-механическом заводе, что под сопкой, на машинно-тракторной станции или на кирпичном заводе, покидают дом рано: потому как до любого из названных предприятий от городского центра («из города», как с некоторых пор повелось здесь говорить) никак не меньше двух, а то и двух с лишним километров. До места работы можно доехать и автобусом, но в такое ясное, прямо-таки благодатное утро хочется пройти пешком... Те, кто работает на швейной фабрике, на трикотажном комбинате, в небольших артелях и в разных учреждениях, выходят на работу много позже тех, кого я перечислил вначале, да и не очень спешат: каких-нибудь десять-пятнадцать минут ходьбы – и ты на месте.

Позже всех на городских улицах появляются школьники и студенты.

Однако раньше всех требуется начинать свой рабочий день дворникам и чистильщикам обуви. Да, с самого раннего утра здесь на каждом перекрестке можно увидеть двух-трех

представителей этих «уличных профессий». Завидев среди пешеходов человека в грязных сапогах или в нечищенных ботинках, человек со щетками от такого точно не отстанет. Как я заметил, особым даром зазывалы-чистильщика обладает рослый и полнотелый бородач, которого природа одарила прямо-таки громовым голосом, слышным чуть ли не через два квартала:

– Евреи, не пачкайте мне тротуары!

Остальные коллеги обладателя внушительного баса дружно подхватывают призывный клич товарища:

– Женщины, почистите ваши туфельки так, чтобы они блестели, как ваши глазки!

Днем биробиджанские улицы, можно сказать, пустыньны – народ на работе. Но перед вечером, когда очередной трудовой день уже закончен, в городе опять становится шумно и оживленно. На улицах, в сквере, в парке, на танцплощадках – всюду видишь отдыхающих, преимущественно людей молодых, которых в Биробиджане, кажется, прямо-таки в избытке. Остальные горожане – те, что постарше – обживают сквер. Сидя за столиками, они едят мороженое, пьют кто лимонад, кто минеральную воду, щелкают семечки и орешки и ведут неспешные беседы. Примерно в это же время включаются установленные здесь на всех перекрестках громкоговорители, из которых льется бодряя музыка, перемежаемая звучанием еврейской речи.

Одевается народ в Биробиджане, как говорится, без особых притязаний на моду, хотя и не без вкуса. Так, чтобы и красиво, и просто. Только, пожалуй, как и везде в стране, здешние мужчины, в недавнем прошлом фронтовики, донашивают гимнастерки и галифе. Впрочем, бывших военных легко узнаешь по походке и по выправке и в гражданской, то бишь в гражданской, одежде. Не говорю уже о другой «примете» – орденах и медалях то ли на кителях уже без погон, то ли на пиджаках их владельцев.

И если в старинной местечковой манере задать недавнему сержанту или капитану вопрос: «Откуда будет уважаемый еврей?», тот ответит в той же манере: «Еврей из Берлина» или «Откуда я? Из Харбина».

Уже знакомый моему читателю Рахмиэль Гуральник, появившийся как-то в гостинице с солидным «багажным» грузом одного из пассажиров, прибывших в Биробиджан, на мой вопрос: «Где вам пришлось воевать?» отвечал так:

– А вы думаете, что я могу помнить, как называются все те немецкие города?.. Мы ведь их столько за войну перевидели – не сосчитать. Одно должен вам сказать: много там у них в Германии больших и красивых городов этих. Больших, красивых и... чужих. А у меня самого один свой город – Биробиджан. Вы уже все успели у нас посмотреть?.. И, не дожидаясь моего ответа, Гуральник тут же буквально потащил меня к себе в гости – в дом, стоящий одновременно недалеко от центра города и на краю этого же самого города. Да, в Биробиджане, представьте себе, такое возможно.

Тот день был солнечным и даже совсем по-летнему жарким. Здесь, от самого края не улицы, а, верней сказать, переулка, начинается сырая низина, местами залитая стоялой водой. Здесь эта вода хлюпает под прогибающимися досками «тротуара», проложенного вдоль низких изгородей, отделяющих дворы и огородики возле небольших домиков – точнее, типичных деревенских изб.

– Вот здесь это еще Тихоньяка, – со вздохом констатирует Рахмиэль, отворяя скрипнувшую калитку. – Но будьте уверены, что придет время, когда и здесь будет Биробиджан.

Да, так вот вышло-получилось, что Биробиджан – это здесь не только и не столько название города. Биробиджан одновременно превратился в своего рода многозначное понятие, включающее в себя констатацию: «Это здесь нами сделано, построено, учреждено, а это нам предстоит сделать, построить и учредить». «Биробиджан» значит хорошие дороги, асфальт тротуаров, каменные дома, водопровод и канализация, скверы и зелень аллей — вообще все, что делает жизнь людей приятной и красивой.

Ну а в том, что жизнь здесь и стала, и становится приятнее, легче и красивее, вы убедитесь сразу же, как только ступите на землю совсем еще юного города и послушаете рассказы совсем не старых его старожилов.

Перевод с идиша Валерия Фоменко